

УДК 81'27

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

**А. П. Седых
И. В. Сопова**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

В статье представлен лингвосомиотический подход к исследованию фразеологической манифестации институциональной языковой личности. Изложены теоретические предпосылки моделирования данного типа языковой личности. Уровень актуального содержания высказывания трактуется как ключевой для выделения фразеологических признаков фразеологической коммуникации. Остальные уровни учитываются при контрастивном описании институционального текста и дополняют существенные параметры, передаваемые структурой этнокультурного кода, лежащего в основе построения высказываний на национальном языке. Языковая личность политика рассматривается как активный механизм функционирования институционального дискурса. Намечаются перспективы анализа институциональной коммуникации с учётом экстралингвистических факторов, связанных с коммуникативной компетенцией реципиента институционального сообщения.

Ключевые слова: фразеология, лингвосомиотика, институциональный дискурс, коммуникативное поведение, языковая личность.

Введение

Каждый видный политический деятель является одним из ярких представителей языкового сообщества, к которому он принадлежит. Его словотворчество во фразеологической форме отражает характерные признаки национальной коммуникации. В этом плане, мы рассматриваем институциональный дискурс как коммуникативную структуру, являющуюся вектором индивидуальных и национальных особенностей коммуникативного поведения. Данная позиция связана с когнитивно-коммуникативным подходом к трактовке фразеологических составляющих институционального текста.

Традиционные понятия «политик», «лидер», «имидж политика» недифференцированно несут на себе печать этнокультурной языковой личности. Языковая институциональная ипостась, по нашему мнению, может быть рассмотрена как «языкотворческая личность». Толкуя политический текст как «смыслопорождающее устройство» (термин Ю.М. Лотмана [8]), мы рассматриваем данный тип дискурса в качестве самостоятельного семиотического конструкта, носителя не только индивидуальных языковых характеристик, но и национальных особенностей функционирования языка.

Проблемы функционального взаимодействия единиц разных уровней языковой системы и их роль в процессе политической коммуникации в последнее время привлекают внимание отечественных и зарубежных представителей гуманитарных дисциплин и лингвистов (М. Н. Грачёв, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, М. В. Ильин, А. В. Олянич, М. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, Л. И. Скворцов, Ю. А. Сорокин, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал; Р. Водак, Д. Вотс, Т. А. ван Дейк, Дж. Лакофф, К. Хаккер, Л. Хан, Й. Хейзинга, Н. Хомский). Особый интерес к межуровневым структурам проявляется при рассмотрении композиционных построений больших, чем предложение, например, сверхфразовых единств, целого текста. Для политического текста речь идёт о дополнительном параметре, обозначенном термином «идеологическая связанность» (*Ideologiegebundenheit*) (термин В. Шмидта [16]). Под «идеологической связанностью» понимается семантическая детерминированность слова, заданная его принадлежно-

стью к терминологической системе определенной идеологии или какому-либо ее варианту, а также местом, занимаемым им в этой системе.

Иной подход к проблеме взаимоотношения языка и идеологии предлагает А. Нойберт. В ходе анализа этой проблемы он вводит новое понятие «идеологема», которая определяется как «лингвистический инвариант с социальной релевантностью» [15].

Если высказывание есть элементарное речевое действие, то связный текст, составленный из некоторой последовательности высказываний и объединенный какой-то общей мыслью, является сложным речевым действием. Как справедливо отмечает Е. А. Реферовская, текст не просто последовательность высказываний, а сложная иерархически организованная система, где каждое отдельное высказывание подчинено более крупной речевой единице (например, сверхфразовому единству или абзацу), а через нее – тексту как целому [11, с. 5].

Естественно предположить, что именно в тексте осуществляется наиболее всесторонний анализ языковых единиц, при этом текст может представлять собой и отдельное высказывание, и абзац, и целое произведение. Для анализа функций исследуемых языковых единиц важным критерием выступают семиотические характеристики политического текста, носителями которых выступают ФЕ.

Теория текста как комплексная обобщающая дисциплина сложилась в результате интеграции взаимодополняющих дисциплин: текстологии, лингвистики текста, поэтики, риторики, прагматики, герменевтики, однако, несмотря на обилие междисциплинарных пересечений, теория текста обладает и собственным гносеологическим статусом.

Теория и методология исследования

При филологическом декодировании неявного смысла текста, частью которого выступает этнокультурный аспект семантики высказываний, осуществляется ориентация на двойственную природу языкового знака. Обладая и смыслом, и формальным воплощением, он может ассоциироваться в том же тексте или в других текстах с иными знаками (как по смыслу, так и по форме) и перекликаться с другими компонентами текста по фрагментам своей субстанциональной структуры. Способы данного взаимодействия могут быть рассмотрены как в универсальном аспекте, так и в идиоэтническом.

Декодированию традиционно подвергаются содержательные структуры текста и авторское отношение к сообщаемому, авторские намерения. В политическом тексте, как и во всяком человеческом самовыражении, обнаруживаются сознательные, управляемые, и бессознательные, не управляемые, но столь же объективные процессы восприятия, воздействующие на адресата высказывания. Институциональный дискурс (текст), созданный на национальном языке, адресуется, прежде всего, представителю определенной языковой общности и структурируется исходя из национальной парадигмы мышления, культурных установок, исторического развития каждого этноса.

Во всяком тексте выявляется несколько пластов организации: от общих правил связности любого текста до дешифруемой смысловой (идеологической) структуры – политического текста. В данном типе текста также возможны наложения других текстов, ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл (интертекст).

Лейкина Б. М. выделяет наиболее существенные для лингвистической теории уровни понимания текста:

- 1) языковой (первичный кодовый), в известном смысле буквальное и поверхностное значение текста, выводимое на основе чисто языковых фактов и закономерностей из значений отдельных его составляющих (формальных языковых единиц, как сегментных, так и суперсегментных);
- 2) глубинный и неязыковой, ситуационное (вторичное кодовое) значение текста, т.е. то содержание, которое вкладывал в данный текст автор и которое он выразил

через языковое значение, функционирующее как форма выражения ситуационного значения [7, с. 98].

Более поздние исследователи выделяют семь уровней понимания текста (высказывания): «1-й, 2-й и 3-й уровни понимания текста опираются на формально выделяемую структуру и содержат ее описание; здесь мы имеем право говорить об инструктивной прагматике. Инструктивная прагматика возможна лишь у текстов, описывающих заранее известные (по крайней мере, как предполагаемая возможность) состояния действительности. <...> 4-й уровень понимания связан с наличием у текста креативной прагматики, когда понимание текста предполагает творческое воссоздание смысла. <...> 5-й уровень понимания относится к текстам, порождающим семантику и обладающим креативной семантикой, когда имеет смысл говорить о правильном воссоздании комментирующих текстов, о верном раскрытии замысла автора, воплощенного в тексте. Во всяком случае адресат выбирает приемлемую для него интерпретацию понимаемого. <...> 6-й уровень понимания также относится к текстам, порождающим семантику и обладающим креативной прагматикой. Это случай, когда порождаемые комментирующие тексты в принципе несовместимы (дополнительны). В этом случае понимание определяется способностью адресата воссоздавать взаимодополнительные (несогласуемые) тексты <...> 7-й уровень понимания возникает, когда все порождаемые тексты не дают адекватного постижения понимаемого, но профанируют постигаемый смысл [9, с. 5 – 7]. В случае понимания реципиентом фразеологии политиков речь должна идти о первых трёх уровнях понимания (инструктивная прагматика), хотя современные политики часто увлекаются фразеологическими конструкциями, и седьмой уровень понимания имеет хорошие перспективы для изучения.

В нашем исследовании при рассмотрении динамики формирования этнокультурной структуры значения внимание уделяется дополнительным смыслам высказываний и интертекстовым компонентам, которые характерны для политической речи и формируются согласно общим законам смыслообразования. Вместе с тем основной акцент направлен на выявление частных закономерностей употребления фразеологических средств общенационального языка в русле функционирования идиолектных моделей коммуникативного поведения институционального лидера.

Политический текст может быть репрезентирован как непрерывно изменяющаяся семиотическая система, внутри которой, используя концепцию К. А. Долинина, можно выделить следующие уровни содержательной организации высказываний:

1. Эксплицитное содержание высказывания непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено.
2. Имплицитное содержание (подтекст) есть та часть информации, которая прямо не выражена в языковых знаках, составляющих высказывание, но, так или иначе, извлекается из него.
3. Актуальный смысл высказывания – это та часть его содержания, которая представляется наиболее важной, центральной и зависящей от экстралингвистических факторов.
4. Глобальное или интегральное содержание высказывания, которое определяется как совокупность значения и потенциального подтекста [6, с. 6 – 8].

Исследование политического текста базируется на идее предварительной жанровой обусловленности свободы выбора лидера тех или иных средств реализации смысловой структуры высказывания. В данной работе речь идет об этнокультурной обусловленности выбора языковых средств. Вместе с тем, предусматривается исследование авторской организации текста и наполнения его языковым материалом, который можно определить как идиолектную специфику, что представляется чрезвычайно важным в процессе когнитивно-коммуникативного анализа, на основе которого выделяются ядерные признаки языковой личности политического лидера.

Нельзя не согласиться с мнением Е. В. Падучевой о том, что описание специфики семантической интерпретации структуры текста входит в компетенцию лингвиста.

тики и истолкование текста опирается на выявление смыслов, которые в нем заложены в силу того только, что он написан на национальном языке [10; 198]. Иными словами, объективный лингвистический анализ предшествует выделению в структуре авторского дискурса этноцентрических / индивидуальных элементов.

Наиболее важным для выделения характерологических признаков ФЕ в высказывании представляется уровень актуального содержания. Остальные уровни учитываются при контрастивном описании анализируемого текста и дополняют сущностные параметры, передаваемые структурой этнокультурного кода, лежащего в основе построения высказываний на национальном языке.

Фразеологизм в большей степени связан не с понятием, а с коммуникативной ситуацией. По мнению Е. В. Ганапольской: «Синкретичность, комплексность фразеологической семантики определяется тем, что фразеологическая единица не существует вне контекста 1) своей внутренней формы, которая связана с конкретной ситуацией ее возникновения (или ремотивации – в случае народной этимологии), 2) набора строго определенных, хотя и изменяющихся во времени, контекстов (т. е. ситуаций коммуникации), 3) ассоциативных национально-специфичных смыслов компонентов, приобретенных ими в процессе функционирования в языке и т.п.» [3, с. 111]. При этом носители языка не всегда знакомы со всеми параметрами фразеологического узуса, от них могут ускользать и ассоциативные смыслы. К тому же ФЕ стимулируют скорее эмоциональное, чем логическое восприятие высказывания. С характерологической точки зрения количественные и качественные показатели *фразеологической плотности* речи политика составляют эмпирическую базу для лингвистической идентификации его личности.

В политической лингвокультуре как семиотической системе широко используется фразеологическая номинация. Фразеологическая номинация, как известно, носит ярко выраженный национальный характер. Институциональная фразеология также должна обладать большим этноконнотативным потенциалом, иначе прагматическая цель политического выступления не будет достигнута. В основе фразеологизма довольно часто лежит метафора. Метафорические структуры – суть социальные категории. Они отражают лингвокультурные явления, происходящие в общественном сознании под влиянием политических, идеологических и социально-экономических процессов: *перезагрузка, ниже плинтуса, формат большой восьмёрки и др.*

Известно, что номинативный аспект значения слова – это, прежде всего его динамическое развертывание в форме отношения наименования, а структура отношения наименования – это способ отнесенности имени к смыслу и смысла имени к обозначаемой действительности, называемой данным именем. При прямой номинации формируются значения, направленность которых на мир имеет такой же характер, как направленность на мир основных (по терминологии В. В. Виноградова) значений слов. Однако значения слов, являясь средством хранения внеязыковой информации, т. е. сведений, знаний, данных о мире, одновременно служат и средством языкового мышления [1, с. 12]. В самом отношении именования и заложена возможность переосмысления и формирования вторичных знаковых функций слов, поскольку «вторичная лексическая номинация – это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [12, с. 129].

Все вторичные наименования в институциональном дискурсе формируются на базе значения слова, чье имя используется в новой для него функции называния, что находит выражение в несамостоятельной номинативной функции таких косвенно-производных значений слов и проявляется в синтагматической обусловленности их выбора и комбинации в ходе построения предложения [2, с. 373]. При этом не прямое отображение действительности преломляется под воздействием содержательной стороны опорного наименования.

В институциональном дискурсе постоянно протекают спонтанные процессы вторичной номинации, и они не столь случайны по выбору мотивирующих признаков и результату. Эта мотивированность проявляется в наличии у вторичных наименова-

ний внутренней формы, выступающей в качестве посредника между новым смыслом и его отнесенностью к действительности. Переосмыслимое значение словесного знака не только приспособляется к выражению нового для него внеязыкового содержания, но и опосредует его в самом процессе отражения.

Необходимо отметить, что мотив выбора языковой формы не должен далеко отходить от ядра опосредующего значения, что характерно для статусно ориентированного дискурса. Таким образом, определенный объем сигнификативного содержания переосмысливаемой языковой формы выступает как внутренняя форма нового значения. Именно внутренняя форма языковой единицы является носителем асимметричных признаков, положенных в основу национальных способов актуализации фразеологических единиц в институциональном дискурсе.

В рамках изучения способов функционирования языковой личности в институциональном дискурсе предлагается использовать термин «фразеологическое событие», который соотносится с категорией «дискурсное событие», определяемое как «совокупность коммуникативно-значимых прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [13, с. 67]. Фразеологическое событие представляет собой речевой акт осмысленного употребления ФЕ для решения прагматической задачи идеологического воздействия на аудиторию. Данный тип события всегда потенциально возможен, так как у реципиента фразеологического материала имеются фразеологические «инварианты для каждого типа интеракции и знания о принципах их варьирования. По этой причине ментальной репрезентацией соответствующих интеракций можно признать их схемы как определенным образом организованную последовательность действий, призванную фиксировать прототипическое для соответствующей культуры» [5, с. 144].

Индивид, как участник фразеологического события, идентифицирует себя с лингвокультурой (группы, социума, этноса) и побуждает себя к использованию адекватной модели коммуникативного события, тем самым позиционируя себя как полноправного лингвокультурного субъекта коммуникации и дискурса. В этом смысле: «Признаком лингвокультурной идентичности коммуниканта можно считать особенности использования языка, обусловленные культурно-специфическим языковым сознанием и коммуникативным поведением, которые формируются у человека в процессе усвоения языка и совершенствуются всю жизнь по мере развития навыков коммуникации в различных сферах, а также в процессе усвоения новых языков» [4; 65]. Иными словами, лингвокультурная идентичность (по отношению к фразеологической картине мира) определяется как способность к декодированию и воспроизведению фраземных моделей коммуникативного события, поставляемых культурой и усвоенных субъектом в процессе социализации.

Институциональный дискурс входит в семиотическое поле национальной лингвокультуры. Лингвокультура выступает социальной средой носителей национального языка и культуры, индуцирующей определённый тип языкового поведения для всех её представителей. Политическая лингвокультура со своей стороны диктует формат поведения в процессе статусной коммуникации. Статусная коммуникация всегда институциональна. На передний план выступает функция позиционирования по отношению к другому участнику коммуникации. В данном случае фразеологический арсенал коммуниканта может служить «опознавательным сигналом» для выяснения его групповой (социальной, этнокультурной, политической, идеологической) принадлежности. Для достижения взаимопонимания фразеологический арсенал коммуникантов должен быть однотипным.

Политическая фразеология часто довлеет над языковым мышлением лидера, навязывая ему штампы, фразеологизмы-эвфемизмы: «бомбардировки становятся «защитной реакцией», особо точные бомбардировки – «хирургическими ударами», разбомбленный дом автоматически становится «военным объектом», а ничего из себя не представляющая джонка, затонувшая в порту, – «морским транспортом» [14, с. 36].

Заключение

Таким образом, выявление этноцентрических элементов связано с понятием текстового (авторского) пространства, в котором преломляются представления носителей языка о пространстве, фиксируемые в языковой картине мира, предопределяемой архетипами национальных культур. При этом текст рассматривается как часть социально-психологического пространства общества, на которое проецируется ассоциативно-вербальная модель языковой личности политика. Пространственно-временные параметры восприятия реальности национально специфичны и закрепляются в предпочтительном употреблении определенных языковых форм и структур.

Смысл сообщения существенным образом зависит от контекста, который выступает важнейшим компонентом реализации фразеологической семантики. Очевидно, что текстологический анализ не может обойти стороной изучение контекстного функционирования языковых единиц. Другими словами, онтологически контекст выступает как объект изучения и может быть использован в качестве инструмента лингвистического анализа в плане дальнейшего выявления этнокультурных характеристик политической фразеологии как отражения существенных параметров языковой личности общественного деятеля.

Языковая личность политика выступает в качестве активного элемента функционирования институционального дискурса. При этом институциональный дискурс трактуется как феномен коммуникации. Институциональная коммуникация осуществляется через политический (идеологизированный) текст, который трактуется как многоуровневая коммуникативная структура и носитель не только идиолектных характеристик, но и национальных особенностей коммуникации. Идиолектное и этнокультурное находятся в диалектическом взаимодействии, являясь частью дискретного процесса актуализации смысла высказывания, поэтому есть все основания использовать политический текст как основу анализа характерологической составляющей высказывания. Вместе с тем при анализе политического текста необходимо учитывать и экстралингвистические факторы, связанные с коммуникативной компетенцией реципиента институционального сообщения.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания, № 5 (сентябрь-октябрь), АН СССР, 1953. – С. 12.
2. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 367 – 395.
3. Ганнопольская Е. В. Свободное слово или эзопов язык? (Фразеология как средство современной политической коммуникации) // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 108 – 112.
4. Герман Н. Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета, 2009, № 11 (149). Философия. Социология. Культурология. Вып.11. – С. 63 – 66.
5. Гришаева, Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов: монография. – Воронеж: ВГУ, 2007.
6. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
7. Лейкина Б. М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи. – Л.: Просвещение, 1974. – 147 с.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
9. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Постижение versus понимание // Семиотика: Тр. по знаковым системам. Вып. 23. – Тарту, 1989. – С. 3 – 17.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
11. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. – Л.: Наука, 1983. – 215 с.
12. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. – М.: Наука, 1977. – С. 129 – 222.

13. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002.
14. Bolinger D. Language – the Loaded Weapon: the Use and Abuse of Language Today. – London and New York: Longman, 1980. – 214 p.
15. Neubert A. Zu Gegenstand und Grundbegriffen einer marxistisch-leninistischen Soziolinguistik // Beitrage zur Soziolinguistik. – Halle (Saale), 1974. – S. 36.
16. Schmidt W. Zur Ideologiegebundenheit der politischen Lexik. – Zeitschr. fur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1969, Bd. 22.

PHRASEOLOGICAL COMMUNICATION AS AN UPDATING WAY OF POLITICIAN'S LINGUISTIC PERSONALITY

A. P. Sedykh

I. V. Sopova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

The paper describes the phraseological institutional manifestation of linguistic identity and lingvosemiological approach to its study. A theoretical background for modeling this type of linguistic identity is defined. The level of actual content is considered the most important for the selection of characterological traits of phraseological communication in an utterance. The other levels are taken into account in the contrastive description of the institution of the text and complement the essential parameters contained within the structure of the ethno-cultural code that underlies the construction of sentences in their native language. A politician's linguistic identity is regarded as an active component of the institutional discourse. The prospects for the analysis of political statements in the light of extralinguistic factors are marked and associated with communicative competence of the recipient of institutional communication.

Key words: phraseology, linguistic semiology, institutional discourse, communicative behavior, linguistic identity.